

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

И.А. ЧИХАРЕВ, И.Л. ПРОХОРЕНКО
ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИЗМЕРЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ

**Политическое пространство:
Концептуальные основания и измерения**

Категория «политическое пространство» начала широко использоваться в европейских и международных исследованиях в 1990-х годах. Причиной тому стали трансформации в мировой политике в целом и в ее европейской «субсистеме» в частности. На мировом уровне данное понятие употреблялось чаще всего в контексте исследований транснациональных и глобализационных процессов, развертывание которых, по мнению ряда ученых, приводило к размыканию национально-государственных границ и созданию единого пространства, в котором осуществляется глобальное управление. В европейских исследованиях очевидной причиной интереса к понятию политического пространства стал новый этап европейской интеграции – преобразование Европейских сообществ в Европейский союз – политическую структуру с качественно новыми институциональными свойствами, а позднее – и иными географическими очертаниями.

В исследовании контуров нового мирового политического пространства, а также исторической (хронополитической) логики его становления наиболее активными были представители таких

школ, как конструктивизм и постинтернационализм. Первая анализировала процесс развития и трансформации структуры международных отношений, в котором традиционные национально-государственные элементы международной системы и их конфигурация рассматривались как частный случай возможного структурирования и пространственного оформления общественных взаимодействий. Кроме того, конструктивисты вводили в рассмотрение качественно новый и значимый рефлексивный или перцептуальный аспект политического пространства [Ruggie, 1998]. Действительно, и глобальное, и единое европейское пространства создавались не только (а в случае с глобальным пространством даже не столько) как «факт на земле», сколько в качестве образов, мифов, «брендов», рожденных мировыми медиа в эпоху падения «железных занавесов», бурного развития средств коммуникации.

Школа постинтернационализма, продолжавшая либеральные «плюралистские» подходы, появившиеся еще в 1970-х годах, в 1990-е годы, уже на современном материале и с привлечением широкого круга исторических прецедентов, также доказывала, что национально-государственные структуры – всего лишь один из возможных способов структурирования *политий*, т.е. форм политической организации общества. История знает и иные формы, а современность открывает нам пока неизвестные новые политические структуры [Ferguson, Mansbach, 1998].

В европейских исследованиях одна из таких новых политических форм, собственно, и была основным предметом исследования. Однако помимо задачи формирования общетеоретических представлений о трансформации политических структур исследователи европейских процессов стояли перед необходимостью описания и концептуализации внутренней структуры европейской интеграции. На пересечении европейских и мирополитических штудий развивались общие темы: например, концепция Евросоюза как «мультиперспективной политики» (Дж. Рагги) и многочисленные модели многоуровневого управления [Чихарев, Рамонова, 2011], а также «сетевые» метафоры, которые применялись как в анализе «Европолитии», так и в политической глобалистике.

Таким образом, категория политического пространства утвердилась в политической науке и международных исследованиях как результат научной рефлексии трансформации «классических» политических структур – национального государства и междуна-

родной системы (в «каноническом» реалистском понимании – как анархичной структуры распределения материальных возможностей между государствами-нациями). Под политическим пространством чаще всего стали подразумевать новые способы структурирования политического взаимодействия – подобные европейской интеграционной модели или становящимся механизмам глобального управления. Понятие «пространство» использовалось, во-первых, в силу неустойчивой и изменчивой природы этих новых структур, во-вторых, – из-за нежелательности для многих ученых применения здесь каких-либо привычных категорий, таких, как, например, федерация для ЕС или мировое государство для системы глобального управления. Понятие политического пространства использовалось в смысле «метаструктуры», т.е. определенных принципов организации политического взаимодействия, которые шире и фундаментальнее, чем существующие в данный исторический момент политические структуры (в частности, «три параметра» Розанау [Rosenau, 1990]).

Можно выделить несколько измерений политического пространства: геополитическое, региональное, институциональное, пространства отдельных политик или секторальные (отраслевые) политические пространства, а также рефлексивное измерение. Строго говоря, измерения – это лишь метафора для описания различных аспектов исследования политического пространства. В современной международно-политической науке пока не сложилось целостной и конвенциональной концепции политического пространства, в которой эти измерения были бы взаимно увязаны, но в изучении каждого из них накоплен значительный исследовательский опыт и получены ценные результаты.

Геополитическое измерение в современной политологии и международных исследованиях значительно расширилось и усложнилось [Чихарев 2009]. Сегодня оно представляет собой не только проецирование политических интересов на физико-географические среды, но включает в себя геоэкономическое, геоинформационное, геокультурное и другие поля. Претерпели изменения классические представления об инструментарии геополитики. Наряду с ресурсно-силовым давлением применяются на практике и «обсуждаются» исследователями такие ее инструменты, как финансово-экономические и информационные кампании, продвижение образов, а также использование кибернетических и сетевых технологий.

При этом в последнее время в международно-политической науке растет интерес к неоклассической геополитике, происходит своего рода возврат к базовым постулатам геополитики как борьбы за власть и контроль в стратегически значимых географических средах и зонах. Особенность современной ситуации, однако, в том, что в сферу интереса субъектов геополитики попадают все новые пространства – циркумполярные зоны, Мировой океан, ближний космос; борьба за традиционные ресурсы разгорается с новой силой под влиянием их возрастающих дефицитности и, соответственно, стоимости.

В мирополитической практике в последние десятилетия заметное место занимали различные концепции «расширения» – на мировом уровне они были представлены доктринами завершения глобализации и преодоления разрывов в глобальном пространстве, а также распространения демократии (или, как в доктрине НАТО, «расширения пространства свободы»).

В европейском контексте 1990–2000-х годов «расширение» также выступает неким «зонтичным» понятием, подразумевающим и включение в состав ЕС новых членов, и отношения с соседствующими регионами, и укрепление роли ЕС в качестве глобального игрока.

Надо сказать, что и в других названных аспектах европейские геополитические практики примечательны и претерпевают характерные трансформации. Действительно, Европейские сообщества стали, по сути, первым субъектом «постгеополитики», опираясь в своем расширении на экономическую, технологическую и культурную привлекательность. Можно сказать, что феномен, получивший в неофункционалистских исследованиях евроинтеграции название секторального и географического *spill-over* эффекта, представляет собой принципиально новую геополитическую стратегию, в которой соединяются как направленный вовне вектор, так и встречный импульс – вектор экономического притяжения от секторально и территориально соседних пространств. Притягательность евроинтеграционного проекта заключается и в успешном проецировании так называемой мягкой мощи, продвижения образа единой Европы как культурного, нормативно-правового, экологического эталона, образцовой модели.

Геополитические практики ЕС последних лет, кризисных в финансово-экономическом отношении, далеко не случайно носят

признаки возврата к классике силового давления (Ливия) или политического принуждения (Украина). При возвращении к неофункциональной логике продолжение идеальной геополитической модели расширения ЕС в условиях финансово-экономического кризиса весьма затруднительно. Однако Союз сохраняет репутацию образчика социального устройства, комфортного гуманитарного пространства, которое остается предметом мечтаний и «восточных», и средиземноморских партнеров.

Региональное измерение, которое можно определить как набор способов территориально-политического структурирования или разграничения пространств, также наполняется новым содержанием. Если на международном уровне наблюдается процесс регионализации, одним из наиболее убедительных примеров которого является сам Европейский союз, то внутри Европы очевиден процесс становления качественно новых, в том числе трансграничных по отношению к отдельным государствам, региональных форм. В частности, так называемые транснациональные еврорегионы представляют собой убедительную иллюстрацию отмеченного выше образа пространств, накладывающихся на имеющиеся национально-государственные границы.

Институциональное измерение представляет собой «вертикальный срез» политического пространства, характеризуя конфигурацию институтов и организаций, входящих в сферу принятия политических решений. На глобальном уровне качественно новыми институтами, сфера компетенции которых еще лишь утверждается, становятся международные неформальные организации и форумы («группа двадцати», БРИКС, Давосский, Эвианский, Ярославский и др. форумы). На европейском уровне это более формализованная, но все-таки постепенно изменяющаяся многоуровневая институциональная система ЕС.

В секторальном измерении могут быть представлены различные отраслевые направления политики, которые, как правило, называются общеевропейскими или общими с соседями «пространствами», – «пространство безопасности», «пространство правосудия», «энергетическое пространство» и др. На мировом уровне такие единые пространства пока только начинают складываться. Поэтому сам факт формирования и дальнейшего развития таких пространств в современной Европе, где до середины XX в. существовало множество, казалось, неустранимых разделительных ли-

ний, подтверждает развиваемый здесь тезис о том, что концептуальные основания политического пространства нужно искать в принципиальном изменении или трансформации политических структур.

Наконец, в **рефлексивном измерении** возникают образы и символы европейского единства и глобализации или, напротив, – новых разделительных линий в Европе и мире. Рефлексивное измерение продолжает расширяться и даже выступает своего рода «привилегированной системой координат», в которой и определяются контуры современных политических пространств.

Таким образом, современные политические пространства и их научная концептуализация развивались под влиянием глубоких трансформаций международной системы, главные из которых произошли в последнее десятилетие XX в. Однако в последние годы проблематика кризисности мирового и европейского развития поставила новые вопросы о возможностях и пределах дальнейшей трансформации политических пространств.

Трансформация интеграционных пространств в контексте современной мирополитической динамики

Наиболее значимой особенностью современного этапа развития европейских интеграционных процессов «по внешнему контуру» стало вхождение европейского проекта в «зоны турбулентности» современной мировой политики (Северная Африка, Украина). Более того, приближение Европейского союза, хотя и различными путями, к границам этих зон отчасти само по себе инспирировало кризисные явления в государствах Магриба и на Украине. Евроинтеграция и раньше могла рассматриваться как международный фактор политического транзита, например в Южной, Восточной Европе, в постъюгославских политических кризисах, однако она влияла на них косвенно – сами по себе интеграционные планы не становились фактором дестабилизации.

Сегодняшние причины интеграционной турбулентности можно связать с несколькими факторами – это достижение европейской интеграцией цивилизационных, финансово-экономических пределов и ограничений в сфере безопасности. Проанализируем их подробнее.

Во-первых, в рамках Восточного партнерства или Средиземноморского союза европейской политики соседства ЕС соприкоснулся с государствами и народами, достаточно далеко отстоящими от европейской культурно-цивилизационной традиции (в том виде, в котором она реконструировалась как в период «холодной войны», так и в период постсоветских расширений). Во-вторых, это было не столько столкновение по внешнему контуру, сколько осознание внутренних пределов европейского мультикультурализма. Европейцы демонстрируют все меньше терпимости к мигрантам, с достаточно большой долей настороженности относятся к европейским гражданам из стран – новых членов ЕС, не проявляют порой ожидаемой терпимости к мигрантам из арабского мира. В-третьих, это представители иных политических культур, что увеличивает риск диссонансов при политическом согласовании проектов ассоциации или сотрудничества. В-четвертых, эти страны и народы находятся под влиянием других цивилизационных центров, во многом альтернативных европейскому, – это русский и исламский миры. В-пятых, в ценностном измерении между Европой и ее новыми потенциальными «восточными» партнерами имеется качественное различие, связанное с крайне ограниченным распространением в среде последних так называемых постматериалистических ценностей, – по той простой причине, что в соответствующих странах и регионах проблемы безопасности и материального благополучия, к сожалению, далеки от разрешения. Так, например, экологические ценности, характерные для Европы как «природоохранного союза», будут идти вразрез с приоритетами развития экономик – украинской или, например, газодобывающей алжирской. Этот набор негативных культурно-цивилизационных факторов, по сути, беспрецедентен в истории европейской интеграции.

Его можно было бы компенсировать инструментами финансово-экономическими, если бы таковые у современного Европейского союза работали эффективно. Но известные нам турбулентные процессы происходят на фоне очевидного финансово-экономического кризиса, который пока еще не до конца разрешен в самой еврозоне, не говоря о возможностях внешней помощи. Более того, все чаще слышны голоса, что расширение Евросоюзу требуется отнюдь не в благотворительных целях, а для решения собственных экономических проблем. Имеет место также финансово-экономи-

ческое влияние со стороны других центров – РФ, КНР, богатых нефтедобывающих стран Ближнего Востока, США.

Далее, регионы, находящиеся в фокусе внимания ЕС, подвержены ряду угроз безопасности, главными из которых являются глубокие внутрисоциальные противоречия, неустойчивость государственных институтов, экстремизм и терроризм. Действительно, Евросоюз уже сталкивался с такими проблемами на Балканах, однако в том случае он имел дело с внутриевропейским процессом, на который Россия хотя и пыталась оказывать влияние, но не имела в 1990-х годах достаточных ресурсов. Сейчас положение обратное – Россия де-факто способна оказывать воздействие на ситуацию, по крайней мере в постсоветских странах. ЕС же ограничен в средствах обеспечения безопасности в североафриканском регионе или, к примеру, в Грузии и на Украине.

Намечаемая таким образом кризисность или, точнее, турбулентность в процессе развития евроинтеграции ставит вопрос о возможностях дальнейшей эволюции европейского интеграционного проекта. Едва ли ЕС пожелает трансформировать свою цивилизационную идентичность или ценностные установки. Скорее, он будет добиваться этого различными средствами от входящих в ассоциацию с ним государств. Одновременно под влиянием внутреннего культурного многообразия в долгосрочной перспективе Евросоюз будет плавно эволюционировать в сторону более синкретической культурно-цивилизационной модели. Сомнительно, что в современных условиях ЕС сможет, а главное – захочет превращаться в финансового донора и даже смелого инвестора. Скорее всего, все возможные ресурсы будут сосредоточены на обеспечении задач внутренней финансовой стабилизации Союза. Наконец, вряд ли Евросоюз, военные расходы членов которого продолжают сокращаться на фоне обратного тренда практически во всех регионах мира, а идея создания общих вооруженных сил не встречает внутренней поддержки, в ближайшее время сможет стать «экспортером безопасности» в традиционном смысле. Вероятнее всего, ЕС будет опираться на притягательность своего образца, публичную дипломатию и политическую риторику.

Исходя из этого, представляет интерес вопрос об иных альтернативных или параллельных способах структурирования политического пространства наряду с европейским. В условиях вхож-

дения ЕС в турбулентные зоны в качестве альтернативы на постсоветском пространстве может рассматриваться евразийский интеграционный проект. Казалось бы, в перспективе он обладает всеми средствами, которых в данном случае недостает проекту евроинтеграционному, – цивилизационной аффилиацией, потенциалом финансового донорства, репутацией «надежного экспортера безопасности». Однако главными и пока что фатальными его недостатками являются слабая имиджевая привлекательность, невозможность генерировать «мечту» об интеграции. В этом смысле можно еще раз вспомнить роль перцептуального пространства в современной мировой и европейской политике.

В свете кризисных тенденций и ощутимых ограничений расширения европейского интеграционного проекта все большее внимание исследователей привлекает вопрос внутренних формы и структуры европейского политического пространства.

Европейское политическое пространство: Форма и структура

Использование категории политического пространства позволило исследователям европейской интеграции выйти из очевидного теоретического затруднения, рассматривая уникальный в своем роде и фактически необъяснимый с точки зрения традиционных представлений политический процесс в Европейском союзе. Возможности именно пространственного анализа при выделении и описании особого политического поля ЕС как среды политических властных отношений, коммуникаций, действий и взаимодействия позволяет изучить пространственно-организационные связи в европейском интеграционном проекте и их конфигурацию, выявить их субъектов, акторов и агентов различной природы, проследить, понять и спрогнозировать политические изменения в развитии Союза.

Несмотря на то что многие ученые оценивают политическое пространство Евросоюза как несоразмерно узкое и недостаточно развитое по сравнению с экономическим, это не совсем так. Оно становится все более насыщенным и постоянно увеличивается с расширением пространства политики, сферы политического в рамках ЕС. Эта сфера не ограничивается политикой Европейского союза на таких традиционно «политических» направлениях, как иностранная политика, политика безопасности (внутренней и

внешней). Она включает в себя и политику территориального сплочения, пространственное планирование, затрагивает так или иначе другие области деятельности Союза – в сфере образования, международной миграции и т.д. В сущности, сфера политического распространяется на весь процесс функционирования ЕС в самом широком смысле, и прежде всего процесс разработки, принятия и введения в действия европейских (наднациональных) решений.

При этом европейское политическое пространство не ограничивается пределами политической организации и политико-институциональных аспектов системы управления в Евросоюзе. Как и всякое политическое пространство, оно представляет собой не только пространственную конфигурацию политической жизни, форму, выражающую определенные устойчивые отношения между индивидами и сообществами и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными субъектами и акторами политического процесса в сфере организации и осуществления власти и управления. Подобная институциональная опора европейского политического пространства дополняется еще и символической – это также пространство политических символов, идеологий, политических и ценностных предпочтений [Прохоренко, с. 71–72; Стрежнева, с. 38].

Некоторые исследователи определяют европейское политическое пространство как наднациональное, особо подчеркивая наднациональный компонент в системе управления в Евросоюзе [см., например: Geddes, 2013]. Однако большинство сходится во мнении, что пространство ЕС представляет собой разновидность пространства транснационального [см., например: Transnational European Union ... 2005].

Критерий пространственной насыщенности отношений внутри пространства и в его связях вовне, а также институционализация этих отношений подводят к определению транснационального политического пространства как сложившейся формы (модели) устойчивых транснациональных связей, в рамках которой негосударственные акторы взаимодействуют поверх национальных границ, а на основе общих интересов и ценностей упорядочивается совокупность принципов, норм и правил, направляющих поведение участников политического процесса. Последнее открывает перспективы создания общих политических институтов и формирования системы

многоуровневого управления, предполагающей в том или ином виде наднациональное регулирование.

Ответ на вопрос о субъектах европейского политического пространства не столь однозначен. Национальные политические элиты Европы, ощущая себя новым политическим сообществом и обосновывая идеи территориального и цивилизационного единства Европы, которое складывалось веками в ходе коммуникаций самого различного свойства, приняли решение сознательно и добровольно учредить и развивать под своим контролем региональный интеграционный проект. Качественным индивидуальным субъектом обладали и те выдающиеся представители сообщества европейских элит, которые сумели придать импульс и новое направление процессу европейской интеграции и по-настоящему изменили ход европейской и мировой истории. Но является ли европейское пространство исключительно моносубъектным? Для некоторых исследователей роль европейского транснационального бизнеса оказывается не менее важной [см., например: *The History...* 2009, p. 14–55]. Не следует недооценивать также значение субнациональных элит в формировании европейского пространства.

Главными элементами европейского политического пространства выступают индивиды, национальные элиты как некое политическое сообщество и европейские власти. В самом общем виде структурирование пространства по вертикали происходит от индивидов (граждан) и национальных правительств к институтам и органам ЕС и в обратную сторону – от европейских институтов и органов к национальным правительствам и гражданам.

Структурирование по горизонтали подразумевает не только территориальное расширение пространства, но и регулярный повседневный характер горизонтальных транснациональных связей между индивидами, национальными правительствами, властями местного и регионального уровней, политическими партиями, бизнес-структурами, различными общественными организациями, группами интересов и т.д., а также управление по типу горизонтальных неиерархических политических сетей [Marsh, Smith, 2000, 2001]. Не исключается возможность выстраивания и диагональных связей между акторами политического пространства, функционирования не только горизонтальных, но и диагональных политических сетей.

При этом европейское пространство не обладает иерархичной структурой, но и не является анархичным. Его, скорее, можно рассматривать как полицентричное [Rumford, 2006, p. 8–9; Brenner, 2003].

С развитием европейского интеграционного проекта в контексте глобализации транснациональное пространство ЕС становится международным регионом. Такой международный регион как часть глобального мира представляет собой «комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных и / или иных связей, в котором регулярность и плотность этих связей достигла величины, когда существование комплекса уже требует регулирования этих отношений как самих по себе, так и его связей с непосредственно затрагиваемыми государствами, а также его взаимосвязей с международными и / или глобальными институтами» [Косолапов, 2010, с. 44].

Регионообразующим фактором здесь выступает факт наличия плотного пучка политических пространств на одной территории, связанных и сопрягающихся между собой [Косолапов, 2010, с. 43]. Главным при этом является взаимодействие политических акторов различной природы поверх национальных границ – взаимодействие, которое приобретает устойчивый регулярный повседневный характер. Исследователи европейской интеграции насчитывают несколько уровней управления в рамках ЕС, вокруг которых формируются политические пространства различных уровней [Hooghe, Marks, 2009, p. 228].

Европейское политическое пространство обладает многими качественными характеристиками, которые свойственны любому политическому пространству. Так, европейское пространство является историчным и асимметричным, во взаимосвязи со временем оно трансформируется, и трансформации его необратимы.

Это пространство имеет множество измерений, которые обусловлены не только многообразием объектов исследования в рамках изучения Европейского союза и европейской интеграции, но и различиями в методологических подходах исследователей (системный подход, неоинституционализм, конструктивизм, коммуникативный подход и т.д.). Свое значение имеют различия в положениях субъектов и акторов европейского пространства в системе политических отношений, также придавая ему многомерность. Вместе с тем, признавая бесконечное множество измерений пространства, исследователи европейской интеграции изучают

возможность выделить минимальное количество наиболее важных для проведения сравнительных исследований [Benoit, Laver, 2012; Bakker, Jolly, Polk, 2012; De Vries, Marks, 2012].

Европейское пространство неоднородно. Отдельные его точки неравноправны, относительно некоторых из них присутствует особая симметрия (в особенности это касается взаимодействия европейских институтов и национальных правительств). В этом пространстве обнаруживаются сегменты различной плотности и однородности, центр-периферийные отношения, которые наиболее ярко проявляют себя по линии «Север – Юг», «новая» и «старая» Европа, наблюдается феномен дифференциации пространства, что нашло свое выражение в идеях «Европы двух скоростей», «Европы концентрических кругов», «ядра и периферии» и получило формальное оформление в процедуре так называемого продвинутого сотрудничества. Неоднородность европейскому пространству придает и тот факт, что многоуровневое управление в ЕС носит децентрализованный характер, присутствуют различные сетевые структуры управления.

Европейское политическое пространство можно считать не-изотропным. В нем направления пространственных связей неравноправны, некоторые занимают относительно привилегированное положение, одни имеют центростремительный, другие – центробежный характер.

Не завершены окончательно споры о связи европейского пространства с территорией (во многом они связаны с дискуссией об уникальности и невоспроизводимости интеграционного проекта ЕС). Для одних эта связь безусловна, а значит, европейское пространство оказывается монотопическим, фактически строго локализованным (от лат. *topos* – место) [Rumford, 2006; Jensen, Richardson, 2004]. Для других оно все менее жестко привязывается к территории, трактуется почти исключительно как виртуальное, хотя иногда излишне локализуется, сохраняя дуализм материального и воображаемого. Для остальных топология европейского политического пространства не имеет географической основы, хотя способ представления политики через привязку ее элементов к территории может являться одним из значимых его параметров.

Одна из важнейших функций политического пространства – создание (закрепление) и поддержание (сохранение) целостности субъекта политики при объективно обусловленном разнообразии,

что также позволяет сделать вывод об идентичности как факторе и параметре политического пространства и о существовании обратной связи между политической идентичностью и политическим пространством. Ключевым для исследователей поля политики остается вопрос о том, что первично, – идентичность, которая является предпосылкой и основанием возникновения политического пространства, или политическое пространство, формирование и институализация которого создают условия для зарождения новой коллективной идентичности.

Идентичность, множественная по своей природе, выступает одним из значимых параметров образования европейского политического пространства. С другой стороны, нельзя не признать и наличие обратной связи – политическое пространство, в свою очередь, оказывается одним из факторов, которые видоизменяют существующие идентичности и способствуют формированию новых, в первую очередь европейской.

Актуальные направления трансформации европейского политического пространства: Практика и научная рефлексия

В последнее полтора десятилетия пространственный анализ занял влиятельные позиции в исследовании европейской интеграции. Такие понятия, как «политическое пространство», «пространство политики», «пространственные отношения», прочно вошли в научный лексикон ученых-европеистов. Осмысление в категориях пространства проблематики европейской интеграции и функционирования ЕС стимулировало разнообразие теоретико-концептуальных подходов [Bourne, Cini, 2006] и неизбежно потребовало расширения рамок традиционного политического анализа путем использования междисциплинарного подхода, объединения усилий исследователей различных дисциплин – политологов, историков, социологов, политэкономистов, политгеографов. Принципиальное значение имело признание необходимости анализировать происходящие в Европейском союзе перемены с учетом глобальных трендов и их динамики, в контексте глобальной картины мира.

Важными направлениями научных разработок стали вопросы многоуровневого управления в ЕС, в том числе сетевого, территориального сплочения, пространственной политики Союза и государств-членов, взаимоотношения Евросоюза с внешним миром.

Потенциал пространственного подхода позволил по-новому взглянуть на явление и процесс транснационализации, формирование европейской макроидентичности, взаимодействие европейских, национальных, региональных и местных властей, тематику территориальности, внутренних и внешних границ ЕС, трансграничного сотрудничества, проблемы гражданского общества и демократического дефицита в Евросоюзе. Как относительно самостоятельные функциональные пространства начали рассматриваться и даже официально обозначаться отдельные сферы деятельности Евросоюза (например, пространство свободы, безопасности и правосудия ЕС, учрежденное Амстердамским договором в 1999 г.).

В центре внимания оказался феномен европеизации, который в широком смысле можно понимать как процесс структурирования европейского транснационального пространства [см., например: Jones, Clark, 2010], и проблема взаимовлияния пространств различного уровня в ходе этого процесса.

Использование понятия пространства позволяет выстроить модель политических изменений с учетом как институциональных, так и неинституциональных факторов, в том числе знаково-символического наполнения политики, формальных и неформальных практик поведения и взаимодействия. Это важно для выявления закономерностей динамики политических процессов. Если подходить к феномену политико-институциональных изменений как динамическому, подвижному и многомерному явлению, то его можно и нужно осмысливать в категориях политического пространства, многомерного и многоуровневого по своей сути. Применение концепта пространства предоставляет уникальные возможности чрезвычайно широкого и многостороннего изучения явлений политической жизни.

Если говорить о трансформации европейского политического пространства, то в первую очередь речь следует вести о его усложнении, о переходе в некое иное качество, из одного состояния в другое, более сложное и совершенное, о преобразовании его формы и структуры. Так, ключевым моментом в трансформации европейского транснационального пространства стало превращение его в международный регион как часть глобального мира.

Поскольку европейское пространство, как и любое другое политическое пространство, включает в себя все виды отношений, норм и практик, как формальных, так и неформальных, вероятно, одним из направлений его трансформации представляется посте-

пенный переход некоторых из неформальных отношений, норм и практик в разряд формальных.

Можно ли считать направлением трансформации европейского политического пространства его территориальное расширение? По всей видимости, не существует однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, мы наблюдаем горизонтальное расширение и закрепление пространства на новых территориях – и, казалось бы, развития, усложнения и перехода в новое качество не происходит. С другой стороны, налицо создание новых видов пространств, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее развитие европейского политического пространства. В новых государствах – членах ЕС идут активные процессы транснационализации и социализации различных политических акторов, и прежде всего национальных элит, в этих странах и на европейском уровне рождаются организационные ответы и решения, не существовавшие ранее.

События последних лет показывают, что последствием кризиса для европейской интеграции стала трансформация ее политических механизмов. Если рассматривать усиление наднациональных механизмов и федерализацию в еврозоне, закрепление модели многоуровневой интеграции, рост значения экономических факторов как источников власти, более отчетливую демаркацию границ внутри ЕС и по его периметру [Буторина, 2013] в категориях политического пространства, можно предположить, что эти тенденции серьезным образом трансформируют сложившуюся конфигурацию пространственных отношений в зоне евро и Европейском союзе в целом.

При этом меняются дистанции между субъектами и акторами политического процесса различного уровня. Так, Европейская комиссия, к примеру, теперь вовлечена в бюджетный процесс в государствах-членах в рамках «Европейского семестра» [Буторина, 2013, с. 73–74; Стрежнева, Прохоренко, 2013, с. 106, 118–120]. Становится иной и политизируется роль Европейского центрального банка [Стрежнева, Прохоренко, 2013, с. 14–24, 27–35].

В рамках нового Многолетнего финансового плана ЕС на период 2014–2020 гг. не получила поддержки инициатива Еврокомиссии изменить систему налоговых отчислений в общий бюджет и ввести новый налог на финансовые трансакции в размере 0,1% (в отношении обмена акциями и облигациями) и 0,01% (в отношении вторичных контрактов) [Стрежнева, Прохоренко, 2013, с. 80–81]. Предлагаемая ввести новый налог, сбор которого осуществлялся бы

на европейском уровне, Европейская комиссия хотела придать новый импульс Единому внутреннему рынку, усилив гармонизацию национальных налоговых систем, устранив национальные запреты и исключения, сократив число случаев мошенничества при сборе НДС, а также упростив бюджетный процесс в ЕС и придав ему большую транспарентность. Тем не менее в середине 2014 г. планируется взимать новый налог в 11 государствах-членах (Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Италии, Испании, Португалии, Словакии, Словении, Франции, Эстонии), что будет способствовать дальнейшему развитию механизма продвинутого сотрудничества и закреплению многоуровневой интеграции, которая, скорее всего, приобретет устойчивую двух- или трехуровневую систему [Буторина, 2013, с. 74].

Тот факт, что теперь источником власти во всевозрастающей степени становятся показатели экономического веса и эффективности государств-членов [Буторина, 2013, с. 74–76], очевидно, будет усиливать неоднородность, асимметричность и неизотропность европейского политического пространства. Наконец, углубление разделительных линий внутри ЕС и по его границам усилит три вышеназванные тенденции в развитии ЕС. Все вместе они будут способствовать более выраженному делению стран ЕС на две группы по признаку членства в Экономическом и валютном союзе [Буторина, 2013, с. 76].

Литература

- Буторина О.В.* Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение? // Вестник МГИМО – Университета. – М., 2013. – № 4 (31). – С. 71–81.
- Косолапов Н.А.* Международный регион и его политическое наполнение // Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2010. – С. 34–50.
- Прохоренко И.Л.* О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. – М., 2012. – № 6. – С. 68–80.
- Стрежнева М.В.* Структурирование политического пространства в Европейском союзе (Многоуровневое управление) // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2009. – № 12. – С. 38–49.
- Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л.* Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты / РАН. ИМЭМО. – М., 2013. – 155 с.
- Чихарев И.А.* Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. – М., 2009. – № 1. – С. 7–31.

- Чихарев И.А., Рамонова М.А. Понятие и основные концепции многоуровневого управления в мирополитическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – М., 2011. – № 5. – С. 3–16.
- Bakker R., Jolly S., Polk J. Complexity in the European party space: Exploring dimensionality with experts // European Union Politics. – L., 2012. – Vol. 13, N 2. – P. 219–245.
- Benoit K., Laver M. The dimensionality of political space: epistemological and methodological considerations // European Union politics. – L., 2012. – Vol. 13, N 2. – P. 194–218.
- Brenner N. Rescaling state space in Western Europe: urban governance and the rise of glocalizing competition state regimes (GCSRs) // Europe without borders: remapping territory, citizenship, and identity in a transnational age / Eds.: M. Berezin, M. Schain. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2003. – P. 140–168.
- Bourne A., Cini M. Introduction: defining boundaries and defining trends in European Union studies // Palgrave Advances in European Studies / ed.: M. Cini and A. Bourne. – Houndmills: Palgrave, 2006. – P. 1–18.
- De Vries C., Marks G. The struggle over dimensionality: A note on theory and empirics // European Union politics. – L., 2012. – Vol. 13, N 2. – P. 185–193.
- Ferguson Y., Mansbach R. Politics: authorities, identities, and change. – Columbia, S.C.: Univ. of South Carolina press, 1998. – 565 p.
- Geddes M. State-space and non-state space in the crisis of neoliberalism: comparative perspectives: Paper for panel on Political Studies Association Conference, Cardiff, March 2013. – Cardiff, 2013. – 12 p. – Mode of access: http://www.psa.ac.uk/sites/default/files/860_414.pdf (Дата посещения: 03.01.2014.)
- Hooghe L., Marks G. Does efficiency shape the territorial structure of government? // Annual Review of Political Science. – Palo Alto, Ca, 2009. – N 12. – P. 225–241.
- Jensen O.B., Richardson T. Making European space: mobility, power and territorial Identity. – L.: Routledge, 2004. – 312 p.
- Jones A., Clark J. The spatialities of Europeanization: power, governance and territory in Europe. – Abingdon: Routledge, 2010. – 182 p.
- Marsh D., Smith M. Understanding policy networks: towards a dialectical approach // Political studies. – L., 2000. – Vol. 48, N 1. – P. 4–21.
- Marsh D., Smith M. There is more than one way to do political science: on different ways to study policy networks // Political studies. – L., 2001 – Vol. 49, N 3. – P. 528–541.
- Rosenau J. Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. – Princeton: Princeton univ. press, 1990. – 480 p.
- Ruggie J.G. Constructing the world polity: Essays on International institutionalization. – L.: Routledge, 1998.
- Rumford C. Rethinking European spaces: Territory, borders, governance // Comparative European Politics. – L., 2006. – Vol. 4, N 2. – P. 127–140.
- The History of the European Union: Origins of a trans- and supranational polity 1950–72 / Ed.: Kaiser W., Leucht B., Rasmussen M. – Abingdon: Routledge, 2009. – 240 p.
- Transnational European Union: towards a common political space / Ed.: Kaiser W., Starie P. – Abingdon: Routledge, 2005. – 240 p.